

ЭРИКА ЛЕТРАНЖ

ПРИНЦЕССА-СЛЕДОВАТЕЛЬ

Том 2

ДЕТЕКТИВНО-ЮМОРИСТИЧЕСКОЕ

ФЭНТЕЗИ

2018

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Эрика Легранж

Принцесса-следователь. Том 2

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Легранж Э.

Принцесса-следователь. Том 2 / Э. Легранж — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Продолжение невероятных расследований влечет меня и моего сыщика к поимке самого опасного из преступников – Отравителя. Кто этот загадочный человек, и почему он раз за разом убивает своих жертв, оставаясь незамеченным? А по соседству со мной обитает настоящий чернокнижник, призвавший в этот мир нечто угрожающее обычным людям. И во всем этом, как и прежде, придется разобраться мне и моему спутнику. Нас не пугает даже то, что мы на волоске от смерти или вылета со службы. Содержит нецензурную брань.

ГЛАВА 6. Неразглашенное дело – «Смертельное стрекотание цикад»

Мрак скрывал его лицо, слабое лунное сияние отражало лишь силуэт, снующий по ночному кладбищу. Он перемещался тихо и только полы длинной сутаны заставляли шуршать опалую листву. Дыхание было тяжелым, как у обычного человека, но сквозь него прорезались нотки рычания – как у хищного зверя. Промозглый воздух старинного кладбища, холод каменных изваяний, обступивших ночного странника по обе стороны, лишь усиливал мрачную атмосферу. Путник остановился, луна спряталась за редким ковром облаков и что-то насторожило пришедшего сюда. Тишина становилась удручающей, будто прятала еще одно существо, находящееся неподалеку. Кто бы то ни был, он явно не принадлежал миру живых, но и не ушел в мир мертвых. Странник все медлил, прислушиваясь; затаив дыхание, не шевелясь. Он ощутил только шмыгнувший мимо ветер, что потрепал его сутану, но ни деревья, ни листва не шелохнулись. Существо, проскочившее мимо него, оказалось всего в паре шагов. Позади слышалось хриплое рычание, сдавливаемое, но осязаемое легким колыханием засохшей поросли. Странник все еще не отважился оглянуться, будто предчувствуя беду. Но потом он сделал резкий выпад, и судорожный вопль разорвал мертвую тишину округи...

А потом я оторвалась от жутких строк, словно вынырнула из кошмара и прислушалась:

– ...Как говорилось раньше, мадам Кансин была убита при весьма странных обстоятельствах, но в этом замешана ее семья. Родная мать долгое время прятала в надежном убежище сумасшедшего, который превосходно разбирался в механике, а еще он создал жидкость, способную эти самые механизмы заводить с помощью магии. Вот только они действовали не во благо, нет, они причиняли вред. И боюсь, что бедная женщина стала первой их жертвой. Увы, подозреваемого мы допросить не можем, поскольку он учинил акт самоубийства, чуть не погубив своего сына, которого долгое время не признавал, и меня. Но нам удалось спастись и надежно перекрыть вход в подземелье. Далее, я отчитался в проведенном расследовании сэру Монтейну и передал все показания и улики. В дальнейшем, констеблями нашего участка было проведено расследование сгоревшего дома и найден тот самый люк...

– Стойте!!! Стойте! А вы не могли вернуться и попытаться спасти подозреваемого, потому что, в таком случае, у нас нет достоверных сведений, кроме ваших слов? – запротестовал кто-то из слушателей, перебив молодого сыщика, мосье Гланж запнулся на пол слова, гневно взирая на оппонента. Было даже странно слушать этого человека, напавшего на себя слишком тугой фрак, отчего его лицо вскоре стало схожим со спелым помидором, но именно этот господин более всех оспаривал отчет сыщика. Как это, вернуться и спасти? А если этот человек намеренно хотел всех погубить, разве мы не вправе спасти свою жизнь? Но с его утверждением соглашались еще несколько членов коллегии, слушающие доклад. Да уж, не зря же их в народе прозвали «индюками» за их напыщенность и недалекость, и за умение постоянно все опротестовывать. На самом деле этот человек был комиссаром, которых мой дядюшка – король Луи-Филиппо Красивый – поставил во главе городской полиции, чтобы они докладывали его первому министру обо всех делах, связанных с громким расследованием. А поскольку мосье Гланж стал опротестовывать забытое дело, которое связывало с Отравителем, была создана коллегия, которая сейчас слушала доклад молодого сыщика. Тяжело пробиваться сквозь эти тугие умы, не способные соотнести предоставленные факты, поэтому оратор так нервно сминал листки, пытаясь не показывать своего гнева, потому что, тогда все его труды могли запросто оспорить. Сэр Монтейн был старшим комиссаром, он получил намеренно все предоставленные свидетелями записи, но не спешил вмешиваться в глупый спор, что-то обсуждая со своими коллегами. Даже меня начал переполнять гнев, поскольку от мнения этого человека зависела дальнейшая служебная карьера Персиваля, поскольку молодой сыщик отлучался из участка, и его сюрейтор доложил об этом коллегии. Я начала переживать за моего напарника, пусть обо мне нигде не упоминалось, чтобы не бросить ни малейшей тени и не

вызвать гнев мадмуазель Палэтт, но я так хотела сейчас выступить перед этими индюками. К слову, моя тоже была на этом заседании, взяв и меня с собой. Ей полагалось быть, как участковому целителю-криминалисту. Мы обе сидели поодаль, не мешая мужчинам обсуждать их дела. И пусть наш король всячески одобрял инициативу женщин поступать на службу в интересах королевства, но не редко его подопечные скрыто возмущались и не допускали дам на такие вот собрания.

– Как видишь, – заметила она, когда наступила неожиданная пауза, – знакомый нам сыщик попал впросак, нарушая устав службы в полиции. И если сейчас созданная коллегия сочтет его непослушание дерзостью, это будет стоить ему карьеры. Насколько мне известно, сэр Монтейн не допускает на своих участках дезертиров и прогульщиков.

– Но ведь мосье Гланж действовал в интересах следствия, что плохого в том, что он раскрыл давнее преступление и убийца понес наказание? – я не понимала, почему мадмуазель Палэтт так плохо отзывалась о Персивале, но видно, как она злорадно поглядывала на обеспокоенного сыщика, когда третий из комиссаров задавал ему глупые вопросы. Надо отметить, что его выдержка достойна уважения, даже тембр голоса ни разу не изменился, когда мой знакомый отвечал уполномоченному господину.

– Он послушался приказа, действовал самолично, никого не поставив в известность. Если бы его постигла гибель, мы бы имели сейчас проблемы с министром короля, потому что каждый сыщик подведомствен государю. А посему, я бы на месте сэра Монтейна его лишила чина или отозвала от дел на некоторое время.

– Жаль, что достойные храбрецы получают вместо почета нагоняй... – молвила я, и больше мне не хотелось говорить с этой женщиной, наставница слишком резко отзывалась о мосье Гланже. Вскоре коллегия завершила расспросы, главный комиссар провозгласил, что подумает относительно дела молодого сыщика и напишет сюрвейтору. Наше небольшое собрание можно было считать оконченным, мы с мадмуазель Палэтт встали и отошли в сторонку, чтобы эти важные «индюки» не зацепились за нас взглядом. Они прошли, иногда высказывая друг другу какие-то замечания, но по сути, то была пустая болтовня. Я проводила их негодующим взглядом, хотелось бы увидеть комиссариат на аудиенции у короля, когда они не ведут себя, словно «единственные вершители судеб».

Мадмуазель Палэтт ненадолго отвлеклась, подойдя к одному из странных личностей, к сожалению, я не знала никого из участка, кроме мосье Гланжа, поэтому этот немолодой господин, облаченный в темно-синий мундир, меня несколько не заинтересовал, чего не скажешь о моем друге, который утомленно шел к себе, все еще сминая исписанные листки. Так я могла хоть немного с ним поговорить. С начала собрания Персиваль меня не видел, а теперь был даже рад встретить, хотя до этого его лицо выражало усталость и нетерпение.

– Я верю в ваше начинание, мосье Гланж, – тихонько уверила я сыщика, когда он проходил рядышком, а моя наставница увлеклась беседой с тем господином.

– Они не понимают, что исключив дело мадам Кансин, мы получили достаточно ясную картину того, что Отравитель убивает одних лишь представителей мужского пола, а это зацепка, которая постепенно выведет всю полицию Ганжана из тупика. Но им обязательно нужно было, чтобы мои слова хоть кем-то подтвердились.

– Неужели показания Карла Бюффона не достаточно правдивы?

– Нет, потому что у меня нет его показаний, наш общий знакомый исчез из поля зрения полиции, как только мы с ним распрощались у наследованного им дома, и больше не объявлялся. А ваше имя я не посмел вписывать, потому что вы тогда бы обязательно имели неприятный разговор с вашей наставницей, пришлось мне оперировать лишь моими заметками, – мне стало жаль моего друга, он деликатно выгородил меня из намечающейся волокиты, а себя отдал этим «индюкам» на растерзание. Хотелось как-то вмешаться и помочь Персивалю, но ведь если меня вышвырнут из участка, по ходатайству мадмуазель Палэтт, я не смогу никому

уже помогать. Будем надеяться на лучший исход, что все же комиссары окажутся заинтересованными подвинуть расследование Отравителя с мертвой точки.

Потом нас рассоединили, мадмуазель Палэтт вмиг заметила, что сыщик стоит рядышком и окликнула меня по какому-то незначительному поручению. Мосье Гланжу ничего не оставалось, как откланяться, хотя я видела в его глазах отражение тех слов, что он не успел сказать. В тот день я была особо невнимательной, часто даже не слышала просьб или пожеланий целительницы, которую, впрочем, отозвали присутствовать при опознании утопленника, которого выловили в ближайшей речушке. А вот я спешно покинула участок, чтобы немного поразмыслить, и прежде всего о дальнейшей судьбе моего друга.

Я бы могла написать дядюшке, оперируя известными мне фактами, но тогда сам монарх может заинтересоваться, откуда у его племянницы столько сведений. Нет, придется действовать как-то в обход. Об этом я размышляла по пути домой, когда Элен развлекала всякими пустячными разговорами. Ее милое заведение, с которым она уже слилась духовно, каждый день поражало новыми слухами. Но, к сожалению, для меня бесполезными. Пусть мадам Кюссон и была лишена вкуса и поступила слишком опрометчиво, делая покупки своему воздыхателю, которого кумушки окрестили мотом и транжирой, а еще молодым повесой, но я мало представляла себе эту женщину и меня вообще не интересовал ее любовник. А между прочим, об этом говорили открыто. Столица отличалась более развязными нравами, в Булонии королева Пьетра отказала бы каждому от дома, узнай она про порочные связи, поэтому наши аристократы отличались порядочностью или про их интрижки открыто не разглажывали. А в пансионе придерживались самых строгих правил, прививая нам честность и добродетель, хотя я отступилась от темы.

Придя к себе, я первым делом обнаружила возле двери моей комнаты небольшую стопку писем, значит, мое послание дошло и прочиталось. Элен замешкалась внизу, чтобы заказать нам ужин в комнаты, я слишком устала сегодня, чтобы идти в конец улицы в кафе, в гостинице хозяйка держала сносного повара. Первым делом я пересмотрела письма от домоправительницы, написанные почерком моей матери. Королева Пьетра не упустила ни единой возможности надоумить непутевую дочь, и в тоже время радовалась, что я взялась с ней общаться. В остальном, письмо наполнено было тривиальностей. Быстро пробежав глазами строки, я перешла к небольшой записке от моего родственника. Мосье Люпен всегда отличался здравомыслием и мог разгадывать людей. Поэтому, я сообщила ему еще об одной жертве, а стоило сказать о нашем теперешнем открытии, что великий Отравитель убивал только мужчин, и что дело с бедной мадам Кансин было ошибочным. И все же мой родственник сообщил мне интересные сведения, даже не подозревая, как они окажутся важны. Его записка была полностью списана на почтовой бумаге, совсем не такой дорогой, на которой привыкла писать матушка. Хорошо, хоть вензелей не заставила выгравировать, отдать ей должное, королева умела хранить тайны надежней речки Марэ.

Мосье Люпен писал торопливо, потому что боялся упустить самую суть своего рассуждения, и в тоже время извинялся за свои дерзкие выводы, как и всегда:

«Мне приятно, милая принцесса, что вы решили посоветоваться со мной, относительно этого загадочного и неуловимого убийцы. В свое время я увлекался тем, что собирал все заметки, которые мне только удавалось достать. К примеру, связи с вашей семьей помогли открыть все архивы и собрать заметки следователей, проводивших дознание тел, переговоры с возможными свидетелями и показание судебных заседаний. И пусть никто не видел неуловимого стяжателя, но не мог же этот человек ходить по улицам невидимкой, и тогда я задался целью изучить Ганжан, проникнуться его воздухом и «сердцем». Прожив около месяца, прогуливаясь около тех мест, где совершенны были убийства, я часто останавливался возле лавочников, цветочниц, разносчиц в кафе и спрашивал их о всяких разных мелочах, особенно о нашумевшем убийстве. Порой обычные прохожие видят убийцу, когда он только планирует

убийство. Я пытался отыскать в их рассказах что-то примечательное, скажем, человека с определенными чертами лица, которые бы делали его примечательным. Эти вопросы поначалу были издалека, и простые обыватели могли поведать мне много интересных персонажей, которые им запомнились. Стоит ли упоминать, что дровосек может прийти с топором даже в кафе и любезничать с дамами. Много я перебрал персонажей, пока не выделил среди всех одну примечательную черту – запах жимолости. Да, да, эта особенность в рассказах обывателей столицы меня поначалу поразила, поскольку это растение просто не встретишь на улицах Ганжана, откуда же она взялась? И я начал рассуждать, что убийца хорошо разбирается в травах, знает особенности запахов и потому сам готовит яды. Жимолость ведь все воспринимают, как приусадебное растение, неподалеку озер. А где в столице можно отыскать озеро, оно ведь только одно – Ижэ, и к нему мне предстояло ехать на окраину столицы, чтобы посмотреть на усадьбы, которые там находились. Я долго бродил окрестностями, определяя запах жимолости, пока не отыскал целое поле. Правда, находилось оно у старой, подкошенной хибары, ничем не примечательного сарая, куда никто не пойдет по своей воле, ибо слишком хлипким выглядело строение. Но я не побоялся туда войти и заметил, что хлипкие стены не удерживают крытую крышу, зато мощные стволы деревьев могут легко сойти за опорные колонны. А внутри меня ожидал новый сюрприз – самодельная лечебница, в которой находилось много разных потускневших от времени колб, а также там имелись записи – простые тетради, списанные ровным почерком о свойствах трав, о лечении травами. И самое главное, ничего указывающего на яды. Поначалу меня это удивило, слой пыли в палец, свидетельствовал о том, что хозяин хибары давно не появлялся, но ведь убийства продолжались с некоторой очередностью. В чем же заключалась уникальность этого Отравителя, если он собирал книги не о ядах, а о лечебных компонентах трав. Милая Франка Булонье, если ты хотела меня спросит о том, кого бы я назвал убийцей, то будешь удивлена, этот человек обычный учитель, который сбился с пути, и если он убивает людей, то делает это с определенной целью. Большого сказать не могу, Ганжан предательски молчит по этому поводу, но может тебе гордая столица поведаст свои тайны».

Мосье Люпен лаконично изобразил убийцу, каким видел его, но не видела я. Почему он упомянул о том, что это обычный учитель, ведь не может же человек, вдохновляющий умы детей, браться за черные делишки по ночам, такого просто не может быть. Поэтому, письмо я отложила в свой секретер, прежде чем беззаботная Элен вернулась с подносом, на котором стояла фарфоровая супница и осторожно порезанный хлеб. Я даже забыла на мгновение, что отправила ее заказать нам ужин и вздрогнула по возвращению.

– Мадмуазель, суп они приготовить смогли, а за более сытный ужин придется доплачивать. Вот уж не думала, что это произнесу, но, кажется, жители столицы те еще барыши. Это же надо так драть с приезжих провинциалов по три су за сносную еду.

– Элен, мы отужинаем сегодня скромно, а завтра отправимся в какое-нибудь кафе.

– Госпожа, да на вас лица нет, что-то случилось? Матушка вам отказала или гневается?

– Нет, королева Пьетра всегда отличалась легким характером, меня волнуют другие известия. Я писала родственнику моего отца – мосье Люпену. В дружественном кругу мы звали его дядюшка Люпен. Так вот, он сообщил мне, что тоже увлекся поисками Отравителя и нашел покинутую хибару, где произрастала жимолость, а в хибаре самодельную лабораторию, где изготавливали яд, только все опасные ингредиенты надежно спрятаны.

– Ох, вы меня испугали своим кислым видом, госпожа. Я уже подумала, накрылась наша секретная практика и мне снова придется искать новое место. А вы все об этом маньяке мечтаете, от него бежать надо, а вы все ищете. Ваш сыщик совсем вам голову задурил байками о бессмертной славе и величественном звании следователя. Не берут женщин на такие должности, да еще и с вашим статусом, говорю вам открыто, – я безмолвно ее слушала, когда служанка закончила речь, сразу же вспомнила о своих обязанностях и начала разливать суп по тарелкам, но мне кушать совершенно не хотелось. Само неверие Элен в наш успех разочаро-

ывало, поэтому я решительно отвернулась и насупилась. Моя служанка спокойно, без лишней робости, села ужинать, периодически хмыкая, а я снова прочла послание дядюшки Люпена, потом хотела сесть за корреспонденцию, но мой желудок начал протестовать, жаль, что суп успел немного остыть, но даже таким я его очень быстро съела.

– Вот теперь, госпожа, я вижу вас прежнюю, все это поклонение перед красивым человеком полностью лишило разума. Вы скоро станете подобны ему и лишены будете чувства самозащиты, – молвила моя служанка, убираясь. – Я бы посоветовала вам отдохнуть хорошенько, вы и так вернулись с предыдущей поездки дерганная и подозрительная.

Сложно это осознавать, но болтушка Элен отчасти права, я действительно стала мрачной девицей, посетивши семью Кансин и Бюфонов. Надобно возвращать свое прежнее легкомыслие и надежды. Но мы своего добьемся и поймает Отравителя, пусть они все в нас не верят и почитают немного сумасшедшими. Новые мысли дали мне успокоение, с ними я засыпала, безмятежно уютившись на мягкой перине. Не представляю, как бедняки спят на тюках с зерном или картофелем, это очень неудобно и причиняет боль в мышцах.

Я уснула слишком быстро или сон был крепким, но все же проснулась среди ночи, будто от толчка. Неизвестное ощущение, когда явь и реальность на время встречаются и спорят, кому же отдать мой разум. Так, что способствовало тому, что я проснулась. Верно, я услышала какой-то непонятный шум за стенкой, и это насторожило слух, потому-то я и проснулась. Если бы за стенкой кричали, то я бы проснулась от крика, а здесь такого не было, но все же тот неизвестный звук, схожий на треск меня испугал. Тело успело отдохнуть, глаза не слипались от усталости, поэтому моя любопытная натура решила все же разузнать первопричину, а все потому, что от любопытства я не засну, и буду ожидать повторения, а если выясню, и в том не будет ничего особенного, скорее опять лягу спать.

Элен спала в другой комнатке и, судя по тому, что она еще не выбежала сюда, моя служанка попросту не слышала ничего. Я тихонько открыла дверь, пытаюсь не создавать много шума, кажется, все по левую сторону от меня спали мирно, а вот по правую недовольно выглядывали, являя свету свои заспанные физиономии. Я порадовалась этому обстоятельству, рано еще считать себя свихнутой девицей, слышащей непонятные голоса.

– Какого лешего чудища здесь кто-то свистит среди ночи? – ворчал один из постояльцев. На вид он был угрюм, в своем нахлобученном колпаке казался каким-то гномом-великаном. В другой комнатке расположилась пожилая пара, и они тоже выглядывали, испуганно озираясь по сторонам. Еще один человек только приоткрыл дверь и тут же ее захлопнул, а вот комната по соседству со мной, откуда слышался шум, была закрыта. Наверное, эти апартаменты попросту пустовали, но ворчливый жилец неподалеку не успокаивался, и стал барабанить в дверь, призывая таинственного постояльца к порядку.

– Выходи, ты перебудил половину гостиницы и тебе все равно!!! – кричал тот через дверь, поэтому остальные жильцы тоже с интересом начали выглядывать, и моя сонная служанка появилась около меня, чуть не заставив заорать.

– Что здесь произошло? Кого-то убили или ограбили? – сразу же осведомилась она, и откуда в ее сознании взялись такие размышления, но я отрицательно покачала головой. Нас разбудил какой-то наглец, не более. Поэтому я улеглась в кровать, призвав Элен тоже уйти к себе. Раз уж это не кошмарный сон, то можно немного вздремнуть. Только вот злой сосед через покои все не унимался, пытаюсь достучаться до таинственного постояльца, но вскоре и он умолк, удалившись в комнату, и тогда я услышала опять шум за стенкой, будто кто-то царапал дверь изнутри. Меня охватила паника, стало страшно до того, что я невольно натянула на себя одеяло, будто хотела спастись от невидимого источника шума. Дышать стало тяжело, и я откинула покрывало, прислушиваясь к каждому звуку. Во второй комнатке мирно сопела Элен, за окном угукала одинокая сова. Так мирно и спокойно спал Ганжан, а моя душа охвачена тревогой. Утром надобно все разузнать, даже если придется прибегнуть к уловкам сыщиков. И тут

на устах невольно заиграла улыбка, кажется, мою неприятную ночную бессонницу легко превратить в опытное расследование. Веки тяжелели с каждой минутой прихода рассвета, нужно было еще немного отдохнуть, иначе я завтра не смогу толково раздумывать и действовать. Таинственный постоялец утих, затаился.

Утром мне было плохо, голова раскалывалась на две части. Элен призвала все свое познание во врачевательстве и наложила мне спиртовой компресс, дала выпить валериановой настойки, чтобы унять резкую головную боль. После таких манипуляций стало немного полегче, и я готова была отправиться на практику, хотя настырная наперсница умоляла меня сегодня остаться, но я отмахнулась. А все потому, что мне необходимо было попасть в участок полиции и переговорить с одним наиболее выдающимся умом. Который мне еще и задолжал. Да, да, после таких опасных вылазок, я почитала себя главной пострадавшей и требовала возмещения, а в качестве платы вырвала обещание помочь в любом затруднении. Затруднение наступило именно сейчас, когда вчера мне страшно было сомкнуть веки. Смятая постель все еще напоминала о тех ужасах, что я испытала.

– Элен, я ненадолго, думаю, сегодня вернусь ближе к обеду, так что сбегай в кафе и закажи пышных булок, а еще прикупи молока к чаю.

– Вы такого раньше никогда не просили, госпожа? – озадаченно молвила служанка.

– Быть может, мне понадобятся силы, чтобы начать собственное расследование, – загадочно молвила я и убежала прежде, чем Элен начнет задавать ненужные вопросы.

Сегодняшнее утро было душным, прекрасное летнее настроение с капельками росы по утрам, стрекочущими кузнечиками, распустившимися кувшинками у дорог, сменилось пожухлой травой и солнцепекотом. Природа была против того, чтобы я шла привычной дорогой к участку полиции, где располагалось мое место практиканта. Но я намерена была поведать о сегодняшней ночи, что ж мне так не везет, то кошмары навещают, то вот такие душераздирающие звуки издают, да еще и пугают до дрожи в последующие часы. Мосье Энгюст как всегда ворчал, но я прошла мимо, даже не слыша, о чем он говорит, небрежно поздоровавшись. Представляю, что для отставного полисмена и нынешнего сторожа такое пренебрежение равно оскорблению, но мне было все равно, что этот человек подумает, он никогда бы не похвалил меня, если бы я вздумала кланяться ему в ноги, лишь еще больше критиковал неуклюжую девицу.

Дальше я вошла в препараторскую, поздоровалась с мадмуазель Палэтт, которая разглядывала какой-то сверток, кажется, это был тот самый загадочный предмет, которым меня постоянно шантажировали, но сейчас мне не интересно даже на него взглянуть, другие заботы занимали разум. Наставница хотела ненавязчиво подстегнуть любопытство, бросая призрачные намеки, но я отвернулась, протирая колбы, убралась на ее столе, полила цветы и отпросилась ненадолго в сам полицейский участок:

– Извините, мадмуазель Палэтт, но это дело требует срочного вмешательства полисменов, кажется, возле меня завелся очень странный сосед, из комнаты которого доносятся непонятные звуки и пугают людей по ночам. Больше не хочу прятаться под одеялом, – с этими словами я поспешно вышла через вспомогательный коридорчик, который вел в штаб-квартиру, где сидела полиция. В этом коридорчике размещались главный коронер или сюрвейтор мосье Паланник, его помощник – клерк Колонсье, отвечающий за поступления денег из казны и еще пару помощников констеблей. Остальным была предоставлена огромная комната, правда, там сделали деревянные перегородки, чтобы сыщики чувствовали себя уютней. Поэтому, мне некоторое время пришлось блуждать, натываясь периодически на хмурых патрульных, которые уводили в тюремные казармы пойманных преступников. Все они осматривали меня изучающим взглядом. Даже задержанные умудрялись присвистнуть в мою сторону, хотя и получали за это оплеухи от полисменов, а я робко обходила их стороной, пока меня не перехватил какой-то важный господин, повнимательней ко мне присматриваясь, потом поинтересовался.

– Скажите, мадемуазель, вы пришли в полицию по какому-то делу? Хотите заявить о преступлении? – у него был поставлен голос, такие голоса имеют полководцы, ведя войско тропой войны, да и выправка военного, даже полицейский китель с какими-то нашивками.

– Я хочу увидеть мосье Гланжа по личному делу... – мой голос заметно дрожал, хотя я хотела выглядеть бесстрашной, как обычная посетительница, на некоторое время господин замер, опять же присматриваясь ко мне, он крутил свои усы и внимательно смотрел мне в лицо, не мигая, словно я попала на допрос, который тот проводил.

– Гланж!!! – неожиданно заорал этот человек, от чего даже дернулась. Если этому человеку и не суждено было попасть на ратное поле, то он руководил каким-то отрядом констеблей уж точно. Представляю, как его зычный голос доводит преступников до умопомрачения, когда они загнаны в угол опытными преследователями.

– Да, мосье Паланник, – выскочил из своей перегородки испуганный сыщик и немедленно подбежал к старшему коронеру. Теперь я знала, с кем мне «посчастливилось» встретиться. Первым делом, он отдал ему честь, а потом заметил меня и застыл на месте, не зная, что делать и говорить. Сюрвейтор лениво на него посмотрел, а потом очень громко произнес:

– К тебе невеста пришла, решил девушке помочь, чтоб тебя зря не разыскивала.

После этих слов опешили мы оба, и с чего он вдруг решил, что мы помолвлены, только из-за того, что я хотела увидеть сыщика по личному делу? Персиваль решил оправдываться, неуверенно молвив, что я его знакомая, и видно у меня есть какое-то к нему дело, но бравый военный хлопнул его по плечу и подмигнул, отчего мой спутник смутился и даже покраснел.

Мосье Паланник и не думал уходить, зато с интересом нас разглядывал, будто мы были подопытными зверьками, а он – нашим исследователем. Персиваль предательски молчал, а я не могла говорить в присутствии его начальника, пару раз порывалась открыть рот, но разговора не получилось. Старший коронер устал от такой бездеятельности его подчиненного и неизвестной девицы, и со скучающим видом просто ушел в сторону, завернув за ближайшую перегородку, а оттуда мы слышали его строгий голос, отчитывающий кого-то из подчиненных. И только так я смогла выдохнуть и без робости посмотреть на своего спутника, Персиваль все еще смущался, но уже по непонятным мне причинам, но и он взял себя в руки, осторожно предложил свой локоть и мы отправились в его маленькое строение, которое величалось – коронерским кабинетом. Для посетителей имелся стул, но только один, за вторым сидел сыщик и выслушивал показания или же заявление. Я устроилась напротив мосье Гланжа, преданно глядя ему в глаза, он собирался с мыслями, опасаясь встретиться, открыто взглядом. Казалось, что Персиваль злится, но я не понимаю, от чего, если я даже рта не успела открыть.

– Что вам надобно, мадемуазель Билль? – наконец произнес он, даже расшедрившись на улыбку, тогда на душе отлегло, я могла спокойно довериться другу, ведь нас уже тесно связывало общее дело и не стоит ссориться из-за незначительных мелочей.

– Мосье Гланж, у меня есть для вас поручение. Дело в том, что в гостинице, где я поселилась, завелся какой-то странный тип, распугивающий по ночам всех постояльцев. В прошлую ночь мы испытали шок, когда за стеной что-то грохнуло, а потом был неизвестный треск, и хотя к нему ломались, никто не открыл. Вы же, как представитель правопорядка, можете навестись к этому нарушителю и отчитать его, о большем я не прошу.

– Занятно, вы предлагаете мне поработать обычным патрульным, а ведь я задействован в опасном расследовании и, быть может, у меня нет времени на подобные мелочи?

Я не понимала до последнего, почему мой друг мне отказывает, и почему так официально держится со мной в беседе. Что поспособствовало подобному поведению с его стороны, но ответ мне был близок, он умело скрывался за тоненькой перегородкой и не замедлил себя явить, как только Персиваль захлопнул рот. Его начальник, вездесущий мосье Паланник, бесстыдно выглянул и громко поинтересовался:

– И это в каком таком опасном деле ты задействован, Гланж? Девушка попросила тебя разобраться с нарушителем ночного отдыха, мешающим нормальным постояльцам отдыхать, а ты ей отказываешь! Не думал, что ты такой бесчувственный чурбан, не способный оказать услугу даме? – после этого, мосье Паланник снова удалился, оставив моего знакомого в полном смятении. Персиваль негодовал и стал краснее свекольного корешка. Никогда не замечала, что он способен так злиться. Всегда сдержанный и подкованный, теперь этот человек проявил больше эмоциональных качеств, чем прежде.

– Думаю, теперь он ушел, – спокойно произнес мосье Гланж и морщинки вокруг глаз исчезли, а сами глаза засветились непонятным огоньком, – посмотрим мы на вашего дебошира, мадемуазель Билль. Мне действительно нечего делать, пока господа комиссары решают мою дальнейшую судьбу. Так когда он там наводил леденящий ужас на жителей вашей гостиницы? – он достал блокнот и прилежно отточенный карандаш и стал записывать мои показания, как делал это всегда.

– Не могу словами вам передать, но это было страшно. И ведь никто не открыл дверь, когда разгневанные соседи к нему ломились.

– Вы к нему вломиться решили? Вот уж поистине безрассудный поступок. – резюмировал сыщик, что-то черкая и переписывая, за что я на него рассердилась. Что за привычка не давать свидетелю до конца высказаться? Если бы еще раньше оборвал на полуслове и ни такого мог бы придумать, кажется, теперь я начинаю багроветь, где там его начальник, выскажу ему нелицеприятную жалобу на служащего, пусть его немного воспитает. Но ведь я не могу жаловаться на Персиваля, мы же друзья, быть может, он просто надо мной потешается. Заглянула глаза, наморщила носик, сжала губы, потому что он действительно с меня посмеивался, это было написано на его страдальческом лице, пытающемся спрятать улыбку. Получалось плохо, актерство не являлось его предназначением. Подыграть или обидеться? Нет, теперь перехвачу инициативу:

– Ладно, мосье Гланж, в принципе, я ведь действительно могу обратиться к любому патрульному мне помочь. Здесь предостаточно достойных представителей порядка, и если один сыщик крайне занят и не умеет выслушать пришедшего пострадавшего, что говорит о его недостаточном изучении уставов, то я обращусь к другому. Мосье Паланник еще не ушел, надеюсь? – я начала озираться назад, но за спиной никто не стоял, тогда услышала нервное покашливание сыщика, он перепугался моих речей и взялся все исправлять.

– Мадемуазель Билль, я ведь всего лишь безобидно пошутил, с чего вы вдруг обиделись?

– Да потому что, мосье Гланж, я провела бессонную ночь, прячась под одеялом. Как вы думаете, каково теперь мое настроение, если ужасно хочется спать?

– Я вам помогу, говорите адрес, я немедленно отправлюсь туда.

За это сердечное признание мне помочь, мосье Гланж заслужил улыбку. Если вы спросите у меня, считаю ли я его подлецом за неправдоподобную «игру на публику», нет, как и прежде, этот человек вызывал уважение. Хотя за его безрассудство немного разозлилась, но в остальном, считала надежным союзником. Его грандначальник все это время подслушивал за перегородкой, выдавая себя пусть и приглушенным, но различаемым смехом. А потом человек, никогда не умеющий говорить тихо, даже не пытался дожидаться нашего ухода, решил вести разговор со своим наперсником:

– А девица не промах, я же говорил, что Персивалю достанется бойкая «козочка», а не какая-нибудь покладистая простушка из Ганри или Лэмонжа.

Его слушатель осторожно ответил, но он говорил так, что мы не слышали ни единого слова, и только за нашими спинами показались две заинтересованные фигуры, выйдя из укрытия. Честное слово, даже здесь не могли обойтись без сплетен. Мой напарник был краснее свеклы, и шел впереди, а меня буквально тащил за собой. Даже не представляю, какой разговор у них состоится с главным коронером, но мосье Гланж чрезвычайно зол на него, аж руки

трусятся. Как только скрипучая дверь за нами захлопнулась, только тогда мы могли поговорить открыто. Персиваль смотрел на меня с неким озорством, любая загадка будила в нем ищейку, которому все равно, что скажут руководители.

Улица оказалась пустынна, горожане коротали жару у себя дома или в пригороде, и только одинокие лавочники давали распоряжения помощникам. На мне было ситцевое платье с простым узором и недорогими кружевами, и соломенная шляпка, украшенная лиловой ленточкой. Но сейчас даже самое простенькое платье казалось жарче меховой накидки, а мой спутник был одет с иголочки, с туго завязанным шейным платком. Не представляю, как Персивалю удавалось сберечь полнейшее равнодушие к духоте, что окружала нас. Мы шли относительно быстро для торопящихся горожан, и потому вызвали некий интерес, среди местных жуликов. Только когда сыщик поднял голову, околачивающийся рядом воришка решил бежать подальше, чтобы не попадаться представителю закона на глаза. Если меня еще могли принять за легкую добычу, то Персиваль Гланж им был не по зубам. Останавливаться или задерживаться не хотелось, солнце стояло в зените, и уже не было возможности скрыться от жары.

– Вот мы и пришли, – радостно молвила я, приостанавливаясь возле простой деревянной двери, сыщик осмотрел медную вывеску и только тогда проследовал внутрь.

Казалось, что на нас все смотрят осуждающе, но я всем попавшимся на пути утверждала, что лично сходила в полицию и привела с собой настоящего полисмена, чтобы он уgomонил дебошира. И в тот момент я вновь познакомилась со злым соседом в ночном колпаке. Только теперь этот господин выглядел куда солиднее, одетый в черный безукоризненный сюртук, в небольшой шляпке, он видно хотел прогуляться, но заметив меня и выслушав оправдание, относительно мосье Гланжа, пошел вместе с нами, жалуясь сыщику на плохо проведенную ночь. Кроме того, мосье Каско слышал еще какой-то скрип или скуление, и долго не мог уснуть. Я понимала его, как никто другой, пережив точно такой же кошмар. И после всего пережитого, мои нервы требовали спокойствия, поэтому к злополучной двери мы подошли вместе. Персиваль постучался, довольно деликатно, поскольку представителям полиции надлежало все же придерживаться этикета. Зато мосье Каско не выделялся подобными манерами и затарабанил так, что сюда прибежала прислуга и некоторые постояльцы, а так же владелец гостиницы. Только нам никто не открыл, как обычно, хотя мосье Каско убедительно кричал наглецу немедленно отворить дверь или он за себя не ручается.

– Я бы предпочел пока остерегаться подобных обещаний, ведь на вас же могут написать жалобу за нарушение общественного порядка, – спокойно проговорил Персиваль.

– Что!? Да я сам какую угодно жалобу напишу, пусть этот паршивец только откроет дверь, разберемся с ним по-джентльменски. Я даже готов вызвать на дуэль...

– Этого я бы не рекомендовал, подобное карается законом и очень строго, или вы предпочтете посидеть в тюрьме или отправится на Мур?

– Нет, но как тогда усмирить всяких сомнительных господ?

– Это обязанности полиции – усмирять словом закона всяких подозрительных господ и дам, а ваша миссия заключается в даче показаний на этого самого жильца и все.

Мосье Каско отступился, Персиваль говорил спокойно, но от того внушал еще большее уважение даже среди таких темпераментных господ и дам. Я с затаенным восторгом его выслушала, даже когда он попросил принести запасной ключ и самолично войти в комнаты. На то у него было право законника, и поэтому один из слуг метнулся за ключом. Все обитающие постояльцы собрались посмотреть представление, они не собирались расходиться, тем более, что погода не располагала к прогулкам, но очень быстро в пустынном коридоре стало душно, когда его заполнило больше двадцати людей.

Слуга принес ключ и уверенно вручил его моему спутнику. Персиваль отворил дверь, при этом парочка пожилых дамочек охнула и недовольно зашептала, но другие хотели видеть продолжение. Не часто полиция врывается в дома без спросу, и всем было интересно, что

из этого выйдет. Но никто не вышел протестовать против такого своеволия, значит, хозяина комнаты попросту не было внутри. Меня насторожил слишком спертый запах дыма, будто кто-то нарочно жег целую ночь и день свечи, не открывая окон для проветривания. А еще к этому запаху примешивалось непонятное зловоние, и стоял полумрак, значит, все окна не только заперты, но и занавешены. Оттого Персиваль жестом попросил меня оставаться на месте, а сам уверенно шагнул за порог. Вся толпа умолкла, слушая шаги сыщика, я тоже прислушивалась к нему, чтобы в случае чего подоспеть с подмогой.

Один из слуг стоял в двух шагах от меня и через небольшую щелку мог видеть, что делает мосье Гланж. Этот человек был длинным и худосочным, словно жердь. Даже его костюм висел на нем, как на вешалке. И этот человек неожиданно вскрикнул, побледнев еще больше. Нет, я не могла больше просто стоять на месте и с ходу ринулась помогать сыщику. За моей спиной сразу же зашептались, многие подвинулись поближе, ожидая увидеть хоть что-то. Оказавшись в комнате, первым делом услышала резкое и недовольное замечание моего спутника, который прошел уже в глубь полутемного помещения:

– Мадемуазель Билль, я же просил оставаться за дверью, какой же нечистый вас подтолкнул броситься сюда, неужели не сидится спокойно на месте?

– Мосье Гланж, я не могла оставаться в сторонке, поскольку тот слуга, что мог видеть вас, от чего-то вскрикнул. А вдруг здесь прячется опасный преступник!

– Не прячется, только умоляю вас, не наступите на покойника.

– Но я же бросилась... на какого покойника не наступать?! – в ужасе взвизгнула я, невольно шарахаясь и только тогда поняла, что нога моя наступила на что-то мягкое, на ощупь напоминающую человеческую длань. Кажется, хрустели под моей туфелькой костяшки пальцев. В этот самый момент стало не по себе, будто нечто невидимое оглушило, хотелось упасть в обморок, но разум осознавал, что пол пропитан липкой кровью, запачкан грязью и кишит гадами. Поэтому я предусмотрительно отодвинулась в сторону, уткнувшись в плечо сыщика, и часто задышала от волнения, потихоньку приходя в себя.

– Мадемуазель Билль, вы ведь не собираетесь терять здесь сознание, ибо тогда я не смогу проводить должно расследование? – молвил сыщик, осторожно придерживая меня за плечи.

– Нет, даже в мыслях не было падать без чувств, но мне здесь омерзительно, зря не послушалась вашего совета, – мой голос выглядел жалобно, и подступала тошнота к горлу.

– Рад, что вы осознали вашу неправоту, а теперь предоставьте мне возможность раздвинуть плотные шторы и впустить сюда хоть немного воздуха, – Персиваль мягко отодвинул меня от себя и направился к окну. Признаюсь честно, окажись я в таком положении еще несколько месяцев назад, точно бы паниковала и просила о помощи, но сейчас нервы мои окрепли, и терпения хватило переждать те ужасные минуты, пока мосье Гланж пыталась впустить в комнату побольше света и воздуха. И только потом меня впечатлила представшая перед нами картина – труп лежал в середине шестиконечной звезды, нарисованной собственноручно мелом. Правда, в этом убийстве пока не ощущалось никакой ритуально подоплеки, поскольку господин умер не от пыток, и не был разложен на звезде, лежал на боку, одна рука вытянута вперед, другая повисла на плече. И да, этот человек был заколот тонким стилетом в шею. Вытянутая рука казалась поврежденной, но скорее моими туфельками. Персиваль недовольно огляделся вокруг, выискивая интересующие его улики, я же осматривала тело, не в силах отвести взгляд:

– Какой ужас, – только и смогла вымолвить, прежде чем на пороге замаячил владелец гостиницы, ужаснувшись мрачной перспективе. Этот сухощавый господин, которого я могла наблюдать в гостинице, лишь когда давала задаток наперед, сейчас недовольно поджал губы, рассматривая меня и сыщика неподалеку. Позади него маячили остальные наблюдатели, готовые ввалиться в помещение всей толпой, только мосье Гланж резко всех остановил:

– А ну, прочь отсюда все!!! – пришлось негодующей публике расходиться, владелец хотел протестовать, ссылаясь на свои права, но сыщик метнул в него такой яростный взгляд, что обиженный хозяин готов был сдаться, только напоследок заметил невзначай:

– Мне бы не очень хотелось, чтобы данное убийство было преданно излишней огласке, особенно ритуальное... – и он указал на малеванную мелом звезду.

– А об этом нужно было подумать, когда пускали в свое жилище всех без разбору. К тому же, свидетелей случившегося уже насчитывается добрый десяток, так что вряд ли удастся замять огласку, если бы я мог подобное предпринять.

– Я справлюсь со свидетелями сегодняшнего спектакля сам, но я не могу вам приказывать, просто прошу о маленькой услуге вас и эту очаровательную даму.

Персиваль тактично промолчал, а владельцу ничего другого не оставалось, как выйти из комнаты и прикрыть дверь. Я отчасти понимала его настроение: ритуальное убийство незамедлительно вызовет интерес храмовников и старших кардиналов, тем более, произошедшее в столице. Начнется настоящее церковное разбирательство, в ходе которого гостиница либо утратит полностью репутацию и ее назовут «убежищем скверны», либо вовсе прикроют во избежание паники среди столичных горожан и во имя Пресветлой Девы.

– Как же подобное могло случиться, да еще и в Ганжане?

– Староверов полно, новая религия их не истребила полностью, как бы высокопоставленные кардиналы не старались и не бахвалились своими успехами. Только место они избрали странное – дешевая гостиница, четвертый этаж, никаких подвалов, или склепов, прячущих от назойливых глаз. Видно, кто-то не предполагал организовывать подобное всерьез, а посему убийство заурядное, никаким ритуалом тут и близко не пахнет. И это не самоубийство, поскольку тогда бы тело лежало не на боку, а на спине, – сыщик шагами измерял расстояние, что-то прикидывая в уме. Я пытливо за ним наблюдала, во мне подобное вызывало живейший интерес, а не страх.

– И как вы будете действовать, мосье Гланж? Все равно придется открыться, что это преступление было связано с ритуалом, другое дело, что он не удался...

– Или не проводился вовсе, хотя... – Персиваль внимательно на что-то уставился, а я с интересом подошла к письменному столу, такие имелись в обыкновенных, захудалых конторках и в дешевых гостиницах. На столе разбросаны были какие-то записи, многие из них на листках ученической тетрадки, да еще и грифельным карандашом. Листы были в ужасном состоянии: смятые, перечеркнутые, с множеством чернильных пятен. Короче говоря, быстро выяснить, что к чему не удастся. А еще загадочней выглядела книжный переплет, наглухо приколоченный гвоздями, но начинки у книги не было, кто-то ее наспех вырвал, спешно заматавая следы. Я предпочла ни о чем пока не размышлять, опасаясь представлять сколько опасности таилось у меня через стенку. И почему я такая невезучая? Любые неприятности и обязательно со мной. Хотелось сперва услышать версию сыщика.

Он тоже осмотрел злосчастный переплет, но только вскользь, его внимание больше привлекло расположение тела, пока я предпринимала попытки отодрать остатки книжки от стола. Когда мне это удалось, смогла прочесть название книги (и заметьте, это очень важная улика, тело может ни о чем и не сказать, а вот книга – да), оно гласило на старинном языке: «Гласъ с преисподни», а вокруг названия иероглифы, выжженные на переплете. Жаль только, что больше эта книга ни о чем не могла поведать, ибо тогда мы бы заимели представление о ритуале и его последствиях. Но мосье Гланж и вовсе не обращал на меня внимания, найдя под ногами небольшую горстку саж, а потом на четвереньках перемещаясь вокруг тела и припав к нему. Я не могла спокойно переносить увиденное, в закрытом помещении труп начал издавать характерные для гниения запахи, пришлось мне подойти к раскрытой створке и сразу же нарваться на целую дюжину глаз, созерцающих меня снизу.

– Скажите, милая девица, правду ли говорят, что бедному человеку горло отгрызло какое-то огромное насекомое? – задал вопрос мосье Каско, а вокруг него все кивали.

– Я ничего не знаю! – молвила я, быстро отойдя от окошка, теперь уже сыщик заинтересовался переплетом, моя тошнота еще не отступила, но к окну приближаться не хотелось, поскольку тогда бы меня просто завалили расспросами.

– Не буду пока утверждать достоверно, но по моим скромным наблюдениям, ритуал все же провели, поскольку здесь сожженные рукописи и одежда убитого пахнет гарью. Но стоит ли мне об этом сообщать мосье Паланнику, если звезду мы еще можем списать на сумасшествие, то как быть со странной книгой, которую унес убийца? А ее унес именно убийца.

– Какой ужас, здесь же будет полно храмовников, – молвила я, прижимая ручку к груди.

– Не знаю, что там наплел хозяин гостиницы, но толпа ему поверила, а значит, у нас есть время для расследования, только тело нужно незаметно вынести и желательно, чтобы я его еще раз осмотрел, вдруг я не все смог увидеть. Мадемуазель Палэтт будет протестовать однозначно, против такого своеволия, но я намерен обойти все рамки и правильно вынести вердикт, а еще найти содержимое книги, опасно оставлять такое в руках свихнутых.

Далее мы просто покинули комнату, где за дверью нас дожидался хозяин, которому Персиваль вручил ключ и попросил тихо перенести тело в морг, а все следы ритуала замести, во избежание дальнейшей паники. Но перед тем, сыщик сделал набросок у себя в блокноте, точно срисовывая расположение находящихся неподалеку предметов. Я видела, как умело он рисует, будто обучался этому специально. Ретивый хозяин бросился все в точности исполнять, как сказал мосье Гланж, в спешке он даже не запер дверь, и мы могли две минуты понаблюдать за этим человеком. Правда к усопшему отнесся несколько пренебрежительно, это же надо просто схватить за носок туфли и оттащить подальше, сыщик некоторое время наблюдал за его движениями, потом хмыкнул и мы спустились в холл. Там нас ожидала голодная до сенсаций толпа, но мосье Гланж мог умело отвести любую напасть в виде «портовых писак», которые явились выудить хоть малейшие подробности загадочного дела.

– Нам бы не помешало выйти из гостиницы врознь, – молвил сыщик.

– А если некоторое время переждать этих проходимцев, я как представляю, что внизу холл полон людей, сразу становится страшно, – молвила я. Персиваль пожал плечами, ему не привыкать к подобного рода встречам, тем более, что он сыщик, а таких за милю чуют «портовые писак». Правда в последние лет двадцать они добились того, что их профессию облагородили – «газетные писатели», и они вышли с подполья и больше уже не располагали конторки в подвальных помещениях близ портов, отчего им дали обидную кличку.

– И где вы предлагаете переждать, к сожалению, запасных лестниц со второго этажа на первый нет, а прыгать с окна как-то несолидно, да и можно получить увечье.

– Но я же здесь живу, моя комната по соседству, – искренне удивилась я, – можно ведь выпить чаю, уже полдень, и даже немного отдохнуть.

– Вы забываете, мадемуазель, что я на службе, а вы как бы на практике.

– Ничего страшного, у меня за стенкой проводили ритуал...

– Тише, молодая леди, об этом помалкивайте, не нужно никаких разглашений, иначе мы спугнем убийцу, а когда вмешаются храмовники, он больше не явится.

– Вы думаете, что убийца еще здесь? – стало так страшно, что я готова была рухнуть наземь, ведь до того надеялась, что тот ужасный человек уже далеко, а он бродит по гостинице. А вдруг он бродит по гостинице в поисках других жертв?

– Кхм, мадемуазель Билль, не нужно так бледнеть, все под контролем, во всяком случае, у меня, а вы спокойно спите и ешьте, не думаю, что у этого человека хватит ума снова провести ритуал, для этого нужна подготовка, не в этой гостинице уж точно.

Но все равно я чувствовала себя не в своей тарелке, отчасти это настроение передалось Персивалю, сыщик тоже нервничал, когда дверь в мой номер приоткрылась и оттуда высуну-

лась заинтересованная головка Элен. Служанка осмотрела меня и мосье Гланжа и деловито так сообщила:

– Госпожа, мне подавать чай? – я даже дернулась, не ожидая, что служанка сидит в номере, и по привычке направилась в свои покои, за мной следовал Персиваль, с таким же недоумевающим лицом. Его как бы негласно пригласили выпить в моей комнате чай, но он от этого чувствовал себя неуютно. В присутствии третьего лица мы не могли ни о чем спокойно разговаривать, мосье Гланж сидел, словно на острие ножа, часто ерзал в кресле, когда Элен принесла гостиничный сервиз и расставила вокруг нас вазочки со сладостями.

– Что ж, придется выпить чаю... – озадаченно молвил молодой человек и взял чашку. Я последовала его примеру, а служанка села неподалеку нас, у окна, и начала перематывать клубок. Это она делала тогда, когда ей в одиночестве было скучно, и она желала присутствовать при разговоре или вообще присутствовать в комнате.

– Что вы намереваетесь делать, мосье Гланж? Все равно новость об убийстве облетит весь Ганжан, а тем более таком необычном...

– Я предполагаю, что разгадка должна находиться на поверхности, еще до прибытия храмовников, нужно успеть изучить все детали, и если хозяин вашей гостиницы на деле окажется таким же ловкачом, то мы обойдем самые острые углы. Сейчас, вероятно, он заявит, что нашел труп в одном из номеров, обязательно с патрульным приедет целитель-криминалист и осмотрит тело, они попросят осмотреть место преступления и вот тут этот господин не должен сплеховать... – он сделал небольшую паузу, потом посмотрел на меня и резко выбежал из номера, мы так и остались сидеть с Элен, взволнованные произошедшим.

– А красив этот ваш сыщик, госпожа. Сразу видно, какой он воспитанный человек, правда, немного дерганый, но если вы его обучите немного этикету...

– Элен, ты болтаешь много лишнего...

– Нет, а что я такого сказала? Я как увидела вас, так сразу поняла, что по вашим пунцовым щекам вы пригласили этого человека в наш номер, и подумала, что надобно подыграть хоть немного, иначе вы бы его сюда ни за что не затащили своими силами.

– Неужели я была настолько взволнованна... Элен, впредь не подглядывай за мной, это не приличествует благовоспитанной служанке – собирать сплетни и подглядывать в замочную скважину. Разве вас не обучали в пансионе соблюдать дистанцию и такт?

– Нас всему там обучали, тем более, что я по происхождению дворянка, но мне стало так интересно за вами наблюдать, что я не могла уйти в другую комнату. Ваш сыщик только кажется очень отстраненным, а на самом деле он просто стеснительный джентльмен.

– Да нет, он молчит в большинстве случаев, когда думает, а говорит по делу.

– А в вашем присутствии, когда вы вот так остались в коридоре наедине...

– Ничего подобного, мы просто наблюдали за хозяином... – вдруг и меня осенило, что побудило сыщика вот так внезапно покинуть мою комнату и удалиться, я жестом приказала Элен замолчать, а сама тихонько приоткрыла дверь, и в ту самую минуту услышала звук борьбы, что-то происходило в соседней комнате. Страх и любопытство подтолкнули меня действовать, я подбежала и пошире отворила дверь, а там мосье Гланж пытался придушить бедного мужчину, но тот сопротивлялся. Я хотела закричать и позвать на помощь, как сделала бы на моем месте другая девушка, но вместо этого воскликнула:

– Стойте!!! Вы оба! – они замерли и уставились на меня, а я смотрела то на перекошенное от злости лицо Персиваля, то на страдальческую гримасу хозяина гостиницы. – Что здесь произошло? Почему вы деретесь?

– Это он на меня напал... – прохрипел седовласый мужчина, пытаясь вырваться из хватки сыщика, Персиваль посмотрел на меня обиженно и спокойно провозгласил:

– Этот подлец пытался замести следы ритуала.

– Но вы же сами его об этом попросили? – удивилась я, разве мое воображение могло создать иллюзию подобного разговора, я слышала воочию рассуждение сыщика.

– Вы меня не понимаете, мадемуазель, этот человек не просто так все уничтожал, он заметал следы, как опытный чернокнижник. Клянусь, пусть я и не посвящен в подобное мракобесие, но посыпать порошком тело усопшего, проговаривая какие-то непонятные слова, отчего труп начал разлагаться на моих глазах, а потом стирая магией звезду. Нет, я не мог допустить этого, – и ему удалось воспользоваться возникшей паузой и скрутить подозреваемого, тот сделал еще одну слабую попытку и тогда упал на колени, словно его подкосило от неизвестной болезни. И только сейчас я увидела, что в руках у него было нечто напоминающее кинжал и какой-то мешочек. Персиваль просто не давал этому человеку избавиться от всего. Да и он его не душил, а держал за ворот, чтобы тот не сбежал. Я попала в неприятнейшую ситуацию, когда чуть не опорочила своего друга. Мосье Гланж казался сосредоточенным, приводя мужчину в себя, но тот будто провалился в сон или в обморок и не подавал никаких признаков жизни. Тогда его уложили на ближайшее кресло, предварительно привязав прочной веревкой, и после этого сыщик заговорил:

– Вы же помните, что мы вышли из комнаты, и я просил хозяина гостиницы не подымать шума, предполагая, что он опасается огласки. Только этот человек знал, что все же неизменно труп положено доставить в морг, чтобы его осмотрел целитель-криминалист и констебль, и взялся все решить в одиночку. Мы вышли и я наблюдал интересную картину, когда человек без лишней робости оттащил тело в сторонку, не ступая в звезду. Но я отвлекся на разговор с вами и не мог видеть этого человека, а потом еще появилась служанка... В общем, во время чаепития я все не мог отделаться от мысли, что что-то здесь не так, поэтому и покинул вас так скоро. И я не ошибся, когда я внезапно вошел в эту комнату, то этот господин дернулся, будто пойманный на краже воришка, он и был преступником, замата следы. Откуда у обычного рядового горожанина разнообразные порошки и непонятный стилет, с надписями на старом наречии? Не думаю, что он приобрел такое богатство у старьевщика, все, что связано со старой религией запрещено церковью и карается сожжением. Значит, этот человек присутствовал во время ритуала и потому не ступал в звезду. Не уверен точно, об этом надобно попытаться у посвященных в старые ритуалы, но всем тем, кто проходит ритуал, именно в пентаграмму входить нельзя. Остальное мы узнаем, когда этот человек очнется.

– Вы знаете, я вдруг вспомнила, что после того, как послышался хлопок, и когда все разошлись, у двери что-то скреблось или кто-то. Может усопший был еще жив.

– Вряд ли, он умер мгновенно, удар в шею был смертелен. Но вот непонятный шум рождает и другие догадки, мы должны привести этого человека в себя, прямо сейчас.

– Тогда я сбегаю за нюхательными солями, – молвила я, покидая место преступления.

Недаром матушка подарила мне однажды такие соли, они могли поднять кого угодно: от трепетной дамочки до великана-воина, поскольку запах у них был не просто омерзительный, он сразу же приводил в чувство. Кажется, это был ей подарок от будущего зятя. Не стоит упоминать о том, что они подействовали мгновенно, и если бы даже мужчина действительно потерял сознание, ему пришлось прийти в себя, чтобы рукой отпихнуть источник неприятного запаха. Мосье Гланж удовлетворенно улыбнулся, передавая мне бутылочку, а потом наклонился над подозреваемым, будто паук над жертвой:

– Ну, так вы расскажете, кого или что вызывали? – голос моего спутника преобразился, нет, сейчас мосье Гланж не орал на предполагаемого убийцу, он шептал, но так, что я опасалась за здравость мышления пришедшего в себя мужчину. В конце концов, он владелец гостиницы, куда я поселилась и придется снова искать жилье, если меня выставят за дверь.

– С чего вы решили, что я участвовал в ритуале? – осипшим голосом поинтересовался седовласый господин, посматривая на меня, видимо, он снова искал поддержки извне, но сыщик ухмыльнулся и снова прошептал, сообщая подозреваемому свои догадки.

– Да потому что вы посвящены в дела чернокнижников и стоит мне сообщить прецептору Луке Галлатийскому о проводящихся под боком черных ритуалах, как здесь будет целый отряд воинов-храмовников, и вас уведут и больше не выпустят.

– Нет, прецептору сообщать не надобно, я во всем сознаюсь, только прошу, не рассказывайте о том, что стали свидетелями моей минутной слабости, ибо это была слабость старого отчаявшегося ученого. Некогда я состоял в гильдии ученых Ганжана, был уважаемым человеком до того рокового дня, как меня обвинили в порочной связи с замужней женщиной. И сколько бы я не оправдывался, сколько бы ни приводил доводов своей непричастности, от меня отвернулась гильдия и даже мои друзья. Пришлось сдать свой дом под гостиницу и унижительно изымать с жильцов плату. О, пресветлая Дева, кем я стал, до кого опустился, приходилось даже ругаться с подозрительными типами, которые не хотели платить. Да меня избивали пару раз. Разве это жизнь, я опозорен и выброшен на обочину? И длилось это долгими годами, пока я случайно не познакомился с неким Феликсом Куйне – старовером. Он пришел как-то в мою гостиницу и попросил койку на ночь, прячась от церковников, а через две недели приполз весь покалеченный, но вернул долг и вдобавок еще накинул луидор, а потом в бреду рассказал о себе. Это было так удивительно – эти люди, их братство все еще существует среди нас, проводя тайно ритуалы, принося жертвы старым богам. И сколько бы их не притесняли, они неистребимы. На следующее утро этот человек взял с меня честное слово, что я никому не расскажу, что услышал, а потом он исчез на некоторое время. Я даже забыл о его существовании, пока неделю назад он снова не появился на пороге моей гостиницы, принес мне мешочек со звонкими монетами, от чего у меня дух перехватило, а потом пообещал еще три таких мешочка, если я ему помогу.

Его ритуалы опасны, но некоторые высокопоставленные чиновники готовы дорого платить за услуги чернокнижников, особенно за ритуалы призыва. Так я стал невольным соучастником тайного братства, которое преследуется церковью, но поддерживается богатыми и влиятельными господами. И теперь этот странный человек предложил мне провести один ритуал, который обогатит и меня и его, местом проведения он избрал комнатку, в которой он обитал в прошлый раз, потому что там какая-то особая атмосфера, влияние «истоков королевской крови», как он выразился и я, глупец, согласился...

Мосье Гланж, как обычно, недоверчиво хмыкнул, а вот я затаила дыхание. Что-то мне не понравилось упоминание об «истоках королевской крови», между прочим, по соседству с этими чернокнижниками одна ни о чем не ведающая принцесса обитает, а вдруг они и мою комнатку зачаровали? Нет уж, я съеду с гостиницы сама, поищу жилье солидней, почему мне надобно так страдать, сохраняя свое происхождение в тайне. В конце концов, у меня есть средства. Только не заинтересует ли такой взлет обычной провинциальной девушки кого-то из представителей власти? Но с комнаты я съеду, однозначно.

– Вы дали разрешение проводить в обычной гостиничной комнате опасный ритуал, когда по соседству обитают ни о чем не подозревающие люди, которые могли пострадать? – я была непреклонна, сурово глядя в глаза этому глупцу. Пусть мне и предоставлялся уголок в его жилище, но я ведь не лишена прав возмутиться, если того потребуют обстоятельства.

– Вы правы, у меня как раз было много постояльцев, не ожидал, что летом в столицу потянутся люди, и если надо, компенсирую вам за все причиненные неудобства.

– Вы так и не рассказали, чем закончился ритуал, мосье, – вмешался в наш разговор сыщик, его интересовали факты преступления, а не мои неудобства.

– Да, закончился и очень печально. В общем, в начале всей этой затеи я был настроен благодушно, но как только в комнате образовалось нечто напоминающее туннель, когда из этого туннеля выглянула конечность какого-то зверя, я запаниковал и первое, что пришло мне в голову – убить Куйне и сбежать. Я был так напуган, когда учинился переполох, что опасался вновь войти в комнату, а ведь тогда ночью мосье Каско чуть не выломал дверь, когда я нахо-

дился внутри с покойником на пару, и с каким-то существом, что успело прошмыгнуть в наш мир, прежде чем туннель затворился. Это был такой ужас, вы не представляете...

– Мосье, кого вызывал ваш постоялец? – с нажимом спросил Персиваль.

– Адского пса, но это чудовище не успело пройти, только мелкое существо проскользнуло и куда-то под пол забежало...

И тут мы услышали вопль из соседней комнаты, и это была моя комната, в которой я оставила Элен в одиночестве. Персиваль прошипел ругательства в сторону незадачливого преступника, и мы оба выскочили из комнаты, направляясь в мои покои, надеюсь, что с моей служанкой все в порядке, иначе я сама вызову храмовников? Когда мы влетели в покои, бедная девушка взобралась на стул и визжала, будто увидела мышь. Не думаю, что Элен настолько уж впечатлительная, за то время, что мы провели под одной крышей, она подобной ерундой не страдала. Что с ней произошло сейчас? Верно, встреча с потусторонним монстром. Она ткнула пальцем в сторону комода.

– Это... оно туда прыгнуло, и крышка захлопнулась, – она чуть не лишилась чувств, а я чуть не закричала, ей вторя, там же мои платья, мои наряды...

– Держитесь обе подальше, – молвил Персиваль, захлопывая дверь, чтобы никто посторонний свой нос не сунул, а сам, прихватив кочергу, пошел открывать крышку комода. Рывок и дверца поддалась, а Персиваль коршуном устался на нечто внутри, я прижалась к спрыгнувшей наземь Элен, так мы обе и застыли, ожидая эпического боя. Несколько минут простояли в обнимку, пока мосье Гланж озадаченно что-то разглядывал. Потом мои нервы сдали, я сама подошла к нему, готовясь увидеть свои одежды в беспорядке или разорванными в клочья, но так и застыла около моего напарника. На моей ночной рубашке мирно почивало нечто удивительное, напоминающее большого хомяка зеленовато-синей расцветки, мерцающей в темноте. Как-то не вязалось у меня это милое существо в адском монстром, сыщик думал о том же:

– Что с ним делать, Пер... мосье Гланж? Оно не похоже на чудовище.

– Но оно пришло из того мира, откуда эти оболтусы вызывали адского пса, поэтому эту зверушку надобно изучить прежде, я бы посоветовал отнести прежде опытным докторам из университета, но тогда учинится паника и снова вмешается церковь. Таким образом, я предлагаю вам выбор – самолично заняться поисками хоть каких-то сведений относительно странного существа или же избавиться от него, но избавиться надобно правильно, чтобы оно не натворило бед, а в этом нам должна помочь книга. Мадемуазель Билль, я снова уйду в соседнюю комнату и тихонько отведу подозреваемого, все же он совершил убийство, а вы пересадите этого грызуна в клетку, и постараемся потом выяснить, чем он опасен.

С этими словами мосье Гланж вышел, а моя сообразительная служанка принесла старую клетку для канарейки, которую приобрела у старьевщика. Я не понимала, зачем нам эта старая и ненужная вещь, но именно сегодня она пригодилась, правда моей ночной рубашкой пришлось пожертвовать, зато мы не разбудили зверька и перенесли его в клетку. Милое существо пока не проявило свой характер, оно мило проснулось и позарилось на кусочек сахара, который как раз колола Элен к чаю. Для обычного хомяка это животное было разумно, оно потянуло лапки к сладкому лакомству, и посмотрело на нас такими умоляющими глазками-бусинками, что я разрешила служанке дать ему сахару.

Соседняя комната действительно была заперта, хозяин гостиницы, которого звали мосье Люмье, отправился в участок, и его обвинили в убийстве постояльца, хотя газетчики ошарашили нас сенсационной новостью, вероятней той ложью, которую выдумали, чтобы всех успокоить. В первый день они писали, что загадочный постоялец был ученым и ставил опасные опыты, и его горло перекусила огромная цикада, которую он тайно вырастил. Эта статья так и называлась – «Смертельное стрекотание цикад», но уже вторая статья о том, что ученого убили в его комнате гласила: «... когда этот человек пытался сотворить в природе монстра, мосье Люмье – хозяин гостиницы – решил предотвратить опасный опыт и убил безумного

ученного, за что его арестовали, и будет учинен суд». Еще долго появлялись подобные заметки, но с каждым днем интерес к этому делу угасал. Но вот книга странным образом так и не появилась, оказывается, мосье Люмье ее не разрывал, но тогда кто же был еще в комнате, и унес ценные рукописи, этого сыщику не удалось выяснить?

ГЛАВА 7. Дело чести – призраки оперной дивы

На огромном полированном столе сразу разместили три канделябра, зажженные для создания большего источника света. Суровый человек в мантии исинне-черного цвета расхаживал мимо поставленных в ряд стульев, где приютились два посетителя, рядом с ним шагал человек с военной выправкой, в синем мундире с множеством медалей, и эти два господина беседовали. Первый мужчина был намного старше своего собеседника, и он привык командовать. Второй тоже привык к некоторой власти, но умел и подчиняться, поэтому у них завязался диалог. И эти два сударя не обращали внимания на приставленных у двери двух воинов в серебристых нагрудниках (что обозначало их принадлежность к одной из прецепторий столицы) с нарисованными на них веточками и голубями, и даже не замечали уже двух своих гостей, которые дожидались окончания их беседы и немного нервничали.

– Мосье Паланник, вы же понимаете, какой вред приносит молчание, это даже хуже лжи. Потому что человек-лгун хоть что-то говорит, а вот молчуны много чего утаивают.

– Я вас понимаю, ваше святейшество, но и вы поймите, мои люди не часто с таким сталикуются, быть может, мой молодой подопечный вовсе и не понял, в чем состояла суть преступления, его больше интересовал труп, а не окружающие предметы.

– Но разве его не заинтересовала шестиконечная звезда? Разве нормально видеть подобное изображение и не заинтересоваться символами, тем более, ваш подопечный нарушил много правил, проведя ранее опасное расследование без вашего ведома. Задумайтесь о его дальнейшей службе королевству. И если из комиссариата еще не пришла весточка, так не давайте поводов мне помочь им это сделать, – мужчина в темной мантии сузил глаза, разглядывая оппонента. Но тот нервно сглотнул в его присутствии и тогда Его святейшество удовлетворенно подал знак своим людям и они удалились, оставив мосье Паланника наедине с нами.

Я смотрела на него такими щенячьими глазами, полными отчаяния и надежды, одновременно, и если мне грозило только устное предупреждение, то моего друга ожидали куда более серьезные проблемы – увольнение из полицейского участка с позором, чтобы он больше не смог нигде занимать должность сыщика или патрульного. И это печально, я стала невольной причиной недовольства духовенства, когда на пытках раскололся мосье Люмье, сообщив, что они с подельников совершили ритуал, правда, умолчав о том, что им удалось впустить в этот мир нечто опасное. Этого бы мой бывший хозяин гостиницы не сказал в даже преддверии смертельных пыток, потому что тогда его бы ждала невероятная кара, в том числе, невозможность душе пройти в чистилище. Хотя это все лишь угрозы церковников, и вряд ли нам удастся удостовериться в правоте их слов, или все опровергнуть. И нас двоих, ибо я выступала в этом деле как заявитель преступления, позвали в участок, где уже присутствовал лично кардинал Коррино. Скажу по правде, он неприятный человек, из всех тех неприятных личностей, что мне довелось узнать, и этот человек пообещал моему другу много неприятностей, только из-за того, что тот сразу не заявил о черной мессе.

Мой друг внешне был спокоен и невозмутим, хотя я видела легкую дрожь пальцев и едва уловимую бледность лица – мосье Гланж нервничал из-за того, что его карьеру может перечеркнуть небольшой проступок. Но он до сих пор не рассказал о том, что некое существо живет в моей комнате и любит лопать сахарные грудки и слушать напевы Элен. Его начальник –старший коронер – подошел к нам обоим и стал напротив Персиваля.

– Дружище, это дело с чернокнижниками может тебе аукнуться, – запросто молвил сюрвейтор, продолжая по-отечески рассматривать молодого человека.

– Я провел расследование и задержал убийцу, об остальном я не допытывался.

– Понимаю, но наша матушка-церковь строго карает тех, кто закрывает глаза на староверов и их деяния. И если мы не хотим провалиться в пучину хаоса, должны следовать всем правилам и заповедям, а кардинал Коррино не тот человек, который будет разбрасываться обещаниями впустую и со дня на день нам придет письмо из комиссариата, и будет оно заверено печатью сэра Монтейна. Боюсь, что мне придется тебя отстранить от всех дел и даже лишить звания сыщика-коронера, переведя в обычные констебли.

Персиваль нервно сглотнул, но промолчал. Лучше бы он заговорил, лучше бы меня обвинил в том, что я поставила его карьеру на кон, именно в тот момент, когда для него открыты были все двери. Это невыносимо совестливое чувство заговорило во мне, мы порой не задумываемся, что можем уничтожить родных и близких нам людей вот такими вот поступками, поэтому я не выдержала и воскликнула:

– Он ни в чем не виноват! Это все я! Мосье Гланж выполнял мою просьбу разобраться в ночном безобразии, не надо лишать его должности, он прекрасный сыщик, способный расследовать опасные преступления, пусть даже их считают безнадежными...

Слезы хлынули ручьем, в тот момент готова была сознаться в любом преступлении, лишь бы защитить Персиваля. Мосье Паланник стал меня успокаивать, он не переносил девичьих слез, а вот мой спутник молчал и не подымал головы, словно я не произносила никаких слов. И вообще, он вел себя холодно и отстраненно. Его начальник был куда многословней, вернее, он искупал молчание своего подопечного, пока я окончательно не пришла в себя. Вот уже месяц я стажируюсь у мадмуазель Палэтт и успела повидать столько приключений вместе с мосье Гланжем, но почему он сейчас так ведет себя? Неужели злится на меня, от чего же тогда молчит, я приimu любой его упрек спокойно.

– Ладно, дамочка, утрите слезы и отправляйтесь под крылышко вашей наставницы, а нам нужно заниматься насущными делами, в сущности, ничего непоправимого еще не произошло, – мосье Паланник позвал кого-то из констеблей провести меня до кабинета мадмуазель Палэтт и побыстрее избавиться от девичьей истерики. Я вытерла предоставленным платочком глаза и напоследок взглянула на Персиваля, но он молчал.

На сердце поселилась тревога, жизнь моя представлялась мне не такой полноценной, если в ней не было этого настырного, но умного сыщика, любящего опасности и приключения. Я шла по коридору, рядом шагал взволнованный констебль, опасаясь, что я просто упаду сейчас в обморок, настолько выглядела унылой, но здоровье мое не подводило, просто душа пребывала в отчаянии. Моя наставница накапала мне несколько бодрящих капель и подала стакан, когда полисмен передал караул ей, шепнув несколько слов в сторонке. Кандалинья-Сюррей выглядела как обычно спокойной и прилежной, а вот я не могла сосредоточиться на давно заученном учебнике, то и дело тяжело вздыхая.

– Моя дорогая, стоит привыкнуть к тому, что из-за мужчин у женщин сплошные неприятности и печали. Понимаю, встреча с кардиналом тебя расстроила, но в сущности, ты же не виновата в том, что в соседней комнате творилось черти что.

– Я втянула в эту авантюру мосье Гланжа, – печально ответила я.

– У этого сыщика множество проблем из-за его неумного стремления найти себе еще большие неприятности. Этот человек будто специально подвергает себя и приближенных к нему людей испытаниям, так что, ты тут сыграла отнюдь не главную роль, просто так сложились обстоятельства. К примеру, мосье Гланжалье никогда не искал приключений, с ним было безопасно общаться... – она снова заговорила о моем декане, кажется, мы уже вечность не разговаривали на эту тему, и мадмуазель Палэтт нарочно вспомнила о нем.

– Вы правы, но мосье Гранжалье преподает в женском пансионе, где нет ничего необычного, кроме испорченного чернильной кляксой костюма, но ведь это он предложил мне практиковаться у вас, значит, подверг некоторым приключениям.

– Да, это правда, себя он не мог заставить пуститься в приключения, – с некоторой долей досады молвила Кандалинья и отступилась. Мы занялись привычными нам делами: ее вызвали на место преступления, сопровождать группу констеблей, а я осталась в одиночестве протирать склянки, пока в дверь препараторской не постучались.

Очень удивительно было видеть здесь даму, облаченную в темный плащ, скрывающий ее фигурку, да еще в разгар лета, когда в Ганжане было душно. Но дама нарочно спряталась от всех, чтобы ее не узнали, и что ей понадобилось от целительницы, может какие-то проблемы со здоровьем, но я сразу предупредила о том, что мадмуазель Палэтт отбыла на место преступления, осмотреть труп повешенного, и может задержаться на несколько часов.

– Нет, я вовсе не ищу встречи с ней, я пришла к вам, мадемуазель.

– Ко мне? А чем я вам могу помочь? – я очень удивилась, быть может, она меня знала прежде, вот только эту женщину прежде не видела. Пришлось мучительно перебирать в памяти все знакомые мне лица, прежде чем дама представилась:

– Меня зовут Мадлен Мария Д’Арни, но столичной публике я известна под именем дива Рожен, ибо начинала свою оперную карьеру в театре Роже, а сейчас перебралась в столичную оперетту. И у меня к вам дело, как к частному сыщику, ибо я не могу вот так просто обратиться в полицию, чтобы не погубить свое имя. Мой знакомый сказал, что за безнадежное расследование может взяться только сыщик Гланж и его неизменная спутница – мадемуазель Билль. Но ваш друг сейчас в участке, и я решила прийти к вам лично.

– Вот как, вы хотите нас нанять?

– Да, да, это было бы лучше всего, нанять вас в качестве частного сыска, чтобы это дело не получило огласки, только так я смогу довериться хоть кому-то.

– Но я не могу одна проводить расследование, и вы точно указали, что мосье Гланж сейчас находится в участке и может не согласиться проводить расследование тайно.

– Помогите мне, и я постараюсь уладить все неприятности вашего друга с духовенством, ведь он сейчас находится в трудном положении, и может быть лишен звания.

Очень удивительный поворот, только час назад маялась мыслью, как помочь своему спутнику, а теперь мне предлагают помощь в обмен на раскрытие дела. Что ж, коли Персиваль хочет удержаться в качестве сыщика, нужно будет помочь этой странной дамочке, хорошо осведомленной обо всех негласных проблемах в участке. Я еще раз посмотрела в ее глаза, подведенные угольным карандашом, чтобы ярче выделяться. Да и волосы у нее были подкрашены восточной хной, пряча истинное ее обличье за маской оперной дивы. Тогда у меня тоже появился вопрос с этой странной женщине:

– И как мне сообщить вам, если мой напарник согласится вести расследование.

– Просто напишите записку и передайте через любого уличного мальчишку послание для Мадам, мы с ней давние подруги, она передаст мне ваше послание.

Я плохо знаю всех «прославленных» женщин Ганжана. Кто такая Мадам и почему все уличные жулики ей прислуживают, для меня было полнейшей загадкой, а в груди все больше разгорался интерес к этому странному делу, которое к тому же могло спасти репутацию моего друга. Надобно срочно переговорить с Персивалем, пока еще есть хоть немного времени до оглашения его понижения комиссариатом. И пока моей наставницы нет, я могу беспрепятственно переговорить с сыщиком. Он был у себя, отгороженный от остальных лишь тонкой деревянной перегородкой. На его столе больше не было кип документов, лишь пару неисписанных листков и чернильница. Я пришла в тот момент, когда мосье Гланж предавался унынию или безразличию, облокотившись на стол и безынтересно наблюдая за проходившими мимо

людьми. Но когда перед ним предстала я, Персиваль все же поднял глаза. Они не выражали ничего, в глубине зениц потух вечный огонек пытливости.

– Мосье Гланж, я хочу обратиться к вам по личному делу, – я уселась на стул напротив, чинно сложив руки на коленях, и принялась ожидать его реакции. Этот человек вначале не шевелился, а потом проявил интерес вперемешку с раздражением.

– Что вам надобно от меня, мадемуазель Билль? Я уже ничем не могу помочь вам и скоро вообще покину это славное заведение.

– Вы сдаетесь, даже до приговора комиссаров, не узнав, чем закончится дело.

– Я уже точно знаю, чем все закончится: меня вышвырнут из полиции, словно использованный сосуд, не захотят слушать никаких оправданий, какими бы доводами я не оперировал, поэтому не надо меня утешать или вступаться. Вас это не касается.

– Ничего подобного, меня касается все, что в последнее время приключается с вами, поскольку я была вашим постоянным спутником. Но, быть может, у вас еще есть призрачный шанс остаться сыщиком, только послушайте мое предложение, оно поступило внезапно от очень странной клиентки, которая не пожелала прийти к вам сюда, но пришла ко мне.

– И что же от вас хотела странная клиентка, которая не планировала приходить с заявкой в участок полиции, а вместо этого пришла к практиканту-целителю?

– Она хочет, чтобы мы частным образом расследовали ее дело, а взамен предлагает уладить все проблемы с духовенством. Не знаю, каким образом она это сделает, но разве в нашем случае не надобно хвататься за самую тоненькую соломинку?

– Откуда она узнала об утреннем визите кардинала, вы ей сказали? – он рассвирепел.

– Нет, что вы, она пришла ко мне, уже зная ваши неприятности, и сама предложила подобную сделку. Кто эта женщина и откуда ей так много известно, стало и для меня совершеннейшей загадкой, и если вы поможете мне разгадать ее, то поможете и себе.

Персиваль тяжело дышал, в душе мой друг осуждал меня, думая, что я все рассказала первой попавшейся особе, но это не так, никто ничего не рассказывал, у той дамочки свои осведомители в полиции, почему-то я уже в этом не сомневалась. Так что, ей может стать известно и о нашем разговоре, потому я придвинулась к нему поближе, переходя на шепот:

– Ее зовут Мадлен Мария Д'Арни, больше известная, как дива Рожен.

Персиваль некоторое время молчаливо меня разглядывал, раздумывая над сказанным мной, а потом уже спокойней спросился, даже взгляд его прояснился:

– И эта женщина пришла просить о помощи, надеясь, что мы возьмемся за ее дело?

– Все именно так, она хотела бы повидаться с вами, но вы были в вашей норке, а она просто не хотела огласки, потому и пришла в кабинет-препараторскую мадемуазель Палэтт, когда я была совершенно одна. Даже представить страшно, какие у нее связи, если не прошло и часа после отбытия кардинала, но обо всем подробнее вы спросите ее сами.

– И как вы будете с ней общаться, эта дива назначила личную встречу?

– Ах, мосье Гланж, все намного загадочней, эта дама предложила написать записку и передать первым попавшимся уличным мальчишкой, это послание ей передаст какая-то Мадам, с которой они подруги. Может быть, вам известны эти прозвища, а я в столице лишь недавно, – больше мне сказать было нечего, пусть теперь Персиваль печется о дальнейшей своей судьбе. Сыщик выглядел сосредоточенным, услышав кличку какой-то дамочки, даже вздрогнул ненароком, с чего сделала вывод, что эта личность известна полиции.

– Ого, я мало наслышан об этой оперной диве Рожен, поговаривают, что у нее влиятельные любовники, а вот Мадам довольно известная женщина, под контролем которой все бордели в Ганжане. Представляете, какие неприятности нас ожидают, если что-то пойдет не так. Уже не только моя карьера окажется под угрозой, наши жизни будут стоить меньше медяка. Мадемуазель Билль, не хотелось бы мне связываться с этими женщинами.

– Мосье Гланж, если эти женщины помогут разрешить вопрос вашей дельнейшей карьеры, я готова рискнуть, поскольку виновна в том, что была первопричиной ваших горестей. И не нужно меня останавливать, так или иначе, терять нам нечего, вам – и подавно.

Мосье Гланж раздраженно фыркнул, несколько минут обдумывая мое предложение, я видела, как засияли вновь его карие глаза, полные живости и энергии. Разве можно лишать такого человека его профессии, подталкивать на скользкую дорожку, ведь при всем желании, он мог стать опасным злодеем, если путь в полицию ему уже заказан. Персиваль пододвинул ко мне поближе чистый листок и подал чернильницу, он все еще смущенно рассматривал отполированную крышку его рабочего стола, виды выдавшую множество посетителей и сотни пролитых чернильных капель, а потом как-то неуверенно заговорил:

– Пишите вашу записочку, не хочу откладывать дело, пока у меня еще есть связи и возможности, – может всего на мгновение, но его щеки заалели, а потом он набрался храбрости и проронил следующие слова, которые согрели душу, более остальных слов:

– Благодарю вас, мадемуазель Билль, вы чрезвычайно ко мне добры.

Я попыталась писать ровно, но буквы то и дело прыгали, потому что сердечко мое колотилось, предвещая, что еще ничего не потеряно и все можно вернуть на круги своя. Сыщик не мешал мне, он посыпал песком мою рукопись, чтобы она быстрее высохла, и осторожно сложил послание. А дальше я встала и отправилась к себе, так спокойно и кротно, и прибыв всего за несколько минут до прибытия мадемуазель Палэтт, отыскала на улице праздно шатающего беспризорного мальчишку и вручила ему записку, передав, чтобы отдал ее Мадам, а для подкрепления слов вложила в ладонь два су. Зеленые глаза сверкнули, и мальчишка побежал, даже не спросив дороги. Если не ошибаюсь, его подослали меня караулить. Но вот я издалека увидела приближающуюся полицейскую карету, которая была выкрашена в темно-синий цвет с гербом короля и знаком полиции с другой стороны. Мадемуазель Палэтт ловко спрыгнула с высокой ступеньки, ей даже не понадобилась деревянная подставочка и сразу же подала мне ридикюль, вероятней подумав, что я ее выглядываю специально. Что ж, я не стала разубеждать наставницу ни в чем, ее расположение мне бы тоже сыграло на руку. Несмотря на выезд к месту преступления, Кандалинья порхала, словно бабочка, а еще была необычайно говорлива:

– Ах, дорогуша, вам бы не помешало изредка отправляться вместе со мной. Хотя труп оказался в плачевном состоянии, я все же смогла выяснить, что это самоубийство, ибо никаких следов борьбы. А еще вместо мосье Паланника с его армейскими шуточками и пренебрежительным отношением к женщине, к нам скоро приставят нового старшего коронера. Такой приятный мужчина, и главное заинтересовался моими умозаключениями.

– А куда же отправится мосье Паланник?

– Вероятнее в отставку, как вспомню его шуточки относительно моего ридикюля, как я тогда злилась на этого «индюка в шинели», но ведь комиссары не зря побывали здесь. Надеюсь, и штат немного обновят. Мосье Гланж уже, в принципе, должен собрать свои вещи и сдать документы в архив, с дня на день ему доведется освободить свою должность.

Она говорила так просто, эта женщина не считалась с моими чувствами, а они просто восставали против ее злорадства. Ну уж нет, мой друг никуда не уедет, не бывать этому. В конце концов, я ведь всегда могу обратиться с прошением к королю, и пусть придется раскрыть свою личность, но спасти честь и репутацию хорошего сыщика куда важнее. Тем более, что через каких-то пару месяцев мне предстоит вернуться обратно домой.

Но рано думать о тех моментах, которые душа желает избегать, нынче мы каждый день боремся за выживание и процветание. Во всяком случае, я так думала, когда вечером того же дня окончила свои труды и вышла на улицу. На уже известном переулке меня встречала Элен, держа в руках сверток. Вероятнее всего, неумная помощница (все чаще я задумывалась над тем, что она не только исполняет свои обязанности, но и поддерживает меня в трудный час) сходила за покупками, а значит, сегодня нас на ужин ожидает не только гостиничный суп, а

еще и некоторые лакомства. После задержания мосье Люмье его дела перешли к поверенному делами мосье Гремеру. Этот человек был простоковатым, но вел дела аккуратно, вероятней всего он работал в конторе на задержанного хозяина. Мосье Гремер оставил все, как и прежде, и только треть постояльцев съехала со своих комнат. Я же осталась, поиски нового места приводили бы меня в уныние. Но я сменила комнату, мне подобрали более светлые покои, а вот плату оставили такой, как прежде.

Элен была довольна переменами, а еще тем, что мы оставались на том же месте, просто перейдя в другие апартаменты. Так она могла спокойно посещать «Клинфо», будучи на хорошем счету у мадам Бифик и приходить за мной в точно назначенное время. Правда теперь у нее появилась еще одно приятное занятие, именно ради него, она держала сейчас сверток. Мы шли и обсуждали новости прошедшего дня. Я сокрушалась относительно того, что мосье Гланжу сегодня пришлось выслушать нравоучительное наставление от кардинала. Элен даже переспросила меня, неужели ради нас в обычную полицейскую конторку пожаловал сам кардинал Коррино, который представляет в Ганжане его Преосвященство – помазанника богини. Я ответила утвердительно, рассказав, как этот напыщенный церковник нас распекал, так же, как мосье Паланника. И что теперь начальнику Персиваля грозит отставка, и вообще, намечается много изменений. Моя собеседница ненадолго задумалась:

– Да уж, ваш друг произвел много шума. Прежде всего, он настроил против себя комиссаров, а теперь еще и кардинала.

– Но ведь он не настраивал, а просто выполнял обязанности честного сыщика. Без него семья Кансин не обрела бы долгожданный покой, а мы томились бы в неизвестности, да еще с трупом под боком. Элен, ты не права, если считаешь мосье Гланжа бунтарем?

– Но ведь теперь весь участок из-за него в затруднительном положении.

– Нет, не из-за него, – утвердительно ответила я, прежде чем перед нами остановилась черная карета, запряженная выносливой лошастью, и оттуда не показался довольный мосье Гланж, приглашая меня следовать за ним. Я очень удивилась, моя спутница ретировалась.

– Может не надобно, госпожа, мало вам приключений, вы их ищете почти каждый день.

– Нет, Элен, здесь речь идет не о приключениях, это дело чести. Думаю, если мосье Гланж уже в карете, мне ничего особого не угрожает. Дождись меня в гостинице.

Моя помощница отступилась, а я ловко запрыгнула в предоставленный мне экипаж, тем более, что моя напарник подал даме руку. Выглядел он немного возбужденным, но после полного уныния, рада была наблюдать подобные перемены. Кучер уже знал, куда нам ехать, оказалось, что это не Персиваль побеспокоился, а наша таинственная клиентка, которая прислала карету за нами. Он так же вышел из участка и к нему подкатил экипаж, ему оставалось так же сесть в него и поехать за мной. Мы оба пока что помалкивали, поскольку не было общих тем, или боялись, что острое ухо возницы нас подслушает.

Карета мчала улицами вечернего Ганжана, когда зажигались фонари, и люди прогуливались не спеша. А еще были открыты все театры и оперы, приглашая праздную публику насладиться искусством умелых актеров и певцов. Было вот так интересно посмотреть новые пьесы, я будто вечность здесь не бывала. Только теперь без матушкиного неусыпного надзора и сопровождения ее фрейлин, хотелось просто посещать модные салоны и наслаждаться жизнью. Только бедной провинциальной девушке подобное не по карману, как-то я все забываю о своем нынешнем статусе. Мосье Гланж за мной наблюдал, когда я миловалась освещенными кварталами богатых районов:

– Мадемуазель Билль, вы любите театр?

– Конечно, сложно не любить красочные представления, но я так давно его не посещала, а школьные представления не идут ни в какое сравнение.

– Вы правы, здесь творятся поистине чудеса. Надобно будет как-нибудь выехать и посмотреть новое творение Моне, говорят, его Розитта просто прелестна. Вы возьмете вашу служанку,

пусть она тоже насладиться красивым зрелищем. Девушка сегодня посматривала на меня осуждающе, видно ваши родители хотели, чтобы она присматривала за вами более тщательно, но вы постоянно в разъездах, да еще со мной.

– О, не беспокойтесь, моя служанка присматривает за мной из привязанности, и вам доверяет, просто не показывает этого.

– Вы поймите, ваша репутация – хрупкая вещь, малейшая сплетня и вы лишитесь возможности найти свое счастье, к тому же, столицу часто связывают с распутством.

– Я этого не опасаюсь, мосье Гланж, мне рановато пока задумываться о замужестве.

Если мне в мужья пророчат кронпринца, и я обладаю не малым приданным, да еще и королевским титулом, то мне не страшны даже самые изощренные кривотолки. Но мой собеседник все же беспокоился о моей девичьей чести, и это располагало меня к нему.

– Зря вы так думаете, мадемуазель, девице в вашем возрасте положено задумываться о муже, и даже выбирать среди нескольких претендентов, – он говорил с каким-то странным чувством, в его глазах горел уверенный огонек, но в этот момент кучер начал придерживать лошадей, видно было, что мы уже на месте. Карета остановилась, я решила выглянуть и осмотреться: мы подъехали к большому и роскошному зданию и судя по изголовью каменных львов, это была Большая столичная опера. Впервые я побывала здесь в десятилетнем возрасте, и тогда эти каменные изваяния в полный рост с острыми зубами, и позолоченными гривами, меня впечатлили. А настоящая пьеса завороживала, там актеры даже парили под куполом и при этом красиво пели, это было настоящее волшебство, изысканность, высшее искусство. Я смотрела на них из отдельной лоджии, которую всегда занимала монаршая семья, и в глазах сверкали десятки сапфиров-огоньков. Тогда я влюбилась в музыкальные постановки, но со временем посещение оперы сменилось балами и парадами, а вот сейчас я снова смотрю на львов и вспоминаю ощущения десятилетней девочки. Интересно, играла ли тогда уже дива Рожен, и какой она была там, на сцене?

Только мы находились ни у главного входа, нас подвезли к запасному, которым частенько пользовались артисты и их гости. Можно сказать, мы попадали в святая святых – за кулисы. Нас встречал лакей и провел по темному узенькому коридорчику. Двери мне показались одинаковыми, но добродушный господин в летах остановился у одной из них, и постучался, может он их считал или знал на память, кто где находится. Дверца была невелика, и очень странно отличалась от той величественной комнаты, в которую мы попали; здесь все было нарядным и красочным. На полу лежал настоящий тканый ковер из верблюжьей шерсти, расписанный на восточный манер; низенькие оттоманки, полированные сервировочные столики, перьевые подушки вместо кресел. Потолок был выбелен, украшен лепниной в виде розария и раскрашен яркими красками и позолотой, на противоположной стене висело настоящее паросское зеркало, в человеческий рост, в котором отражалось все великолепие комнаты и неуверенность прибывших сюда посетителей. Вокруг нас витал запах благовоний, и от дамского будуара нас отделяла небольшая ширма, выполненная из бамбука и натянутого полотна, расписанного красками. И вот из смежной комнаты к нам вышла величественная женщина.

Дива Рожен была прекрасна, красотой могла соперничать с богинями древности. Это уже не та дама, что куталась в темный плащ, теперь на ней была легкая туника до щиколоток, перекинута через одно плечо, оставляя покатые плечи и руки открытыми. Ее запястья были украшены браслетами, прическа приподнята вверх и зафиксирована тонкой нитью из жемчужин, на шее висел кулон в виде морской ракушки. Дама грациозно направлялась к нам, несколько локонов колыхались, отражая блеск ее волос, карие глаза блестели, их оттеняли специальным угольным карандашом, чтобы придать выразительность.

Дама подошла к нам и поздоровалась, протянув руку мосье Гланжу, а мне кивнув. Сыщик лишь ответил прохладным кивком, даже не шелохнувшись. Дива в ответ незадачливо хмыкнула и теперь обратилась ко мне, взгляд ее потеплел, а я немного замялась, не понимая, чего

хочет от меня эта женщина. Мадлен жестом пригласила нас присесть, но ведь я была в таком неудобном платье, как же мне разместиться на столь низеньких оттоманках? Нет, я решительно отказалась, мой спутник повторил жест за мной, мотнув головой.

– Тогда перейдем к той просьбе, с которой я к вам непосредственно обратилась. Дело в том, что только вы можете помочь мне, а я, в свою очередь, помогу вам и улажу маленькое недоразумение, возникшее между представителями духовенства и третьим ганжанским участком полиции. Не надобно делать таких удивленных глаз, вы знаете о том не хуже меня, и стали невольным участником всей этой кутерьмы. Но прежде мое дело, поскольку оно не терпит отлагательств: я опасаюсь за свою жизнь и положение в свете.

Однако, Персиваль не спешил выслушать даму до конца, он попросту от нее отвернулся и отыскал более менее приемлемое место, где мог присесть, потом достал свой блокнот и карандаш, и только после этого позволили оперной диве продолжать. Не понимаю, чем была вызвана его неприязнь к этой женщине, согласной нам помочь, но это становилось заметно даже для меня. Мадлен (ибо ее статус нам был подлинно неизвестен) спокойно ожидала, пока сыщик примется записывать ее показания, дева покорно приблизилась к нему поближе, чтобы не говорить слишком громко, ибо тогда кто-то посторонний мог услышать то, о чем дива предпочла бы умолчать. Я последовала за ней и стала позади сыщика, наблюдая только прелестное лицо оперной певицы, которая с долей печали разглядывала узор на ковре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.